

В НОВОМ, ПОЛНОМ ПЕРЕВОДЕ!

В нашем «обществе спектакля»,
где окружающая нас повседневная
реальность все больше принимает
форму реализованной лжи,
инсайты Фрейда доказывают
свою подлинную ценность.

Славой Жижек

ЗИГМУНД, ФРЕЙД

**Психопатология
обыденной
жизни**

Издательство КоЛибри

18+

Зигмунд Фрейд

Психопатология обыденной жизни

«Азбука-Аттикус»

1901-1904

УДК 159.9
ББК 88

Фрейд З.

Психопатология обыденной жизни / З. Фрейд — «Азбука-Аттикус», 1901-1904

ISBN 978-5-389-23475-8

«Психопатология обыденной жизни», впервые изданная в 1901 году, – ранняя книга Зигмунда Фрейда, крайне популярная у широкой публики. Эта работа стала одной из важнейших в его научной биографии и одной из ключевых в истории психоанализа; Жак Лакан считал ее одним из важнейших в истории трудов для понимания бессознательного. Здесь Фрейд на многочисленных примерах, почерпнутых главным образом из собственной жизни или жизни коллег и друзей, убедительно демонстрирует, как случайные, казалось бы, ошибки – оговорки, ослышки, забывание имен, запрятывание предметов, мелкие несуразные поступки и так далее – приоткрывают нам то, что таится на глубине в нашем бессознательном: наши вытесненные желания. В мире, где способность к рефлексии и честность с собой встречаются реже, чем хотелось бы, эта книга, увлекательная и беспристрастная, остается непременным чтением для любого, кто готов посмотреть в себя и встретиться взглядом с собственным «я». При жизни Фрейда «Психопатология обыденной жизни» неоднократно переиздавалась, и всякий раз он дополнял ее новыми примерами и соображениями. Мы публикуем новый полный перевод этого классического труда. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN 978-5-389-23475-8

© Фрейд З., 1901-1904

© Азбука-Аттикус, 1901-1904

Содержание

Психоанализ повседневных ошибочных действий	7
Психопатология обыденной жизни	15
I	15
II	19
III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Зигмунд Фрейд

Психопатология обыденной жизни

Sigmund Freud

ZUR PSYCHOPATHOLOGIE DES ALLTAGSLEBENS

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Р. Ф. Додельцев, перевод, статья, примечания, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство КоЛибри®

* * *

В нашем обществе спектакля, где окружающая нас повседневная реальность все больше принимает форму реализованной лжи, инсайты Фрейда доказывают свою подлинную ценность.

Славой Жижек

Фрейд вновь стал рассматривать безумие на уровне его языка, восстанавливая один из центральных элементов опыта, обреченного позитивизмом на немоту... Он вернул медицинской мысли понятие о возможности диалога с неразумием. Психоанализ – это вовсе не ответвление психологии; это возврат к тому самому опыту неразумия, в сокрытии которого, собственно, и состоит смысл психологии в современном мире.

Мишел Фуко

Психоанализ повседневных ошибочных действий

Зигмунд Фрейд начал писать «Психопатологию обыденной жизни» в феврале 1900 г., вскоре после выхода в свет своего первого фундаментального труда по психоанализу «Толкование сновидений», а закончил в сентябре 1901 г. Книга развивала дальше идеи «первенца», проложив еще один путь проникновения в неосознанную область психики – толкование ошибочных действий, совершенных в состоянии бодрствования. К ним относится ряд знакомых любому человеку сбоев психических функций: забывание имен и иностранных слов, оговорки и очитки, неправильный выбор предметов или их запрятывание и т. п.

Обычно такие огрехи объясняют усталостью, неумелостью или просто случайностью. Фрейда же забывание как таковое не интересует, он имеет дело только с такими случаями, когда за сбоями памяти скрываются какие-то еще неизвестные психические факторы. Например, когда вместо забытого слова или имени в голову назойливо лезут другие, ошибочные, что заставляет предположить наличие какой-то причины, которую и призвано выявить затеянное им психоаналитическое исследование.

Впрочем, некоторую подготовку к нему он проделал, опубликовав в 1898 г. статью «О психическом механизме забывчивости», в которой проанализировал причины выпадения из памяти фамилии итальянского художника Синьорелли. В статье он изложил механизм забывания имен собственных, о чем сообщал своему confidentу, берлинскому отоларингологу В. Флису: «Наконец-то я разобрался с давно интересовавшей меня небольшой психологической проблемой. Тебе наверняка известно, что когда человек забывает какое-то имя, то его место занимает другое, по поводу которого, да и ряда следующих, сразу же и без всяких усилий возникает убеждение, что они подменные. Совсем недавно так произошло у меня с фамилией автора сочинения „Mantua in Banden“ об Андреасе Гофере¹. Мне показалось, что в нее входит слог „ау“, к примеру Фельдау. Как выяснилось, на самом деле его звали Юлиус Мозен. Имени же его я так и не вспомнил. А теперь мне удалось доказать: 1) из-за ряда ее ассоциаций фамилия была вытеснена из сознания; 2) в этом участвовали психические компоненты родом из детства; 3) первые имена-замены возникли под их влиянием, а также ныне действующих психических сил в качестве их симптомов. Анализ был проведен очень тщательно, однако его результаты, как и содержание некоторых пространственных сновидений, представить общественности я не считаю возможным» (письмо В. Флису от 26.08.1898). Так что вовсе не случайно пример с Синьорелли послужил началом «Психопатологии».

В поисках истоков нервных заболеваний венский психотерапевт проявляет все большее внимание к раннему детству своих пациентов. И с удивлением обнаруживает, как мало они помнят о важных событиях той поры своей жизни, тогда как их память сохранила с похвальной точностью ее маловажные события. В статье 1889 г. «О маскирующих воспоминаниях» он высказывает предположение, что за воспоминаниями второго рода скрываются подлинные воспоминания о детстве, доступ к которым можно получить только с помощью психоанализа. Их Фрейд называет *маскирующими*. Реальные же воспоминания были вытеснены из сознания в ходе воспитания из-за их связи с инфантильными сексуальными переживаниями. Однако при всем различии их содержания с маскирующими воспоминаниями ассоциативная связь между теми и другими сохраняется, что позволяет психоаналитику путем анализа последних добраться до первых. Тут он проводит смелую аналогию между памятью индивидов о детстве с памятью народов о первых этапах своей истории в форме легенд, сказаний или мифов, маскирующих порой весьма отличные от них сведения о реальных событиях.

¹ Андреас Гофер (1767–1810) – тирольский народный герой, возглавивший в 1810 г. восстание против французских оккупантов.

В 1886 г. Фрейд открывает собственную медицинскую практику по лечению душевнобольных, как взрослых, так и детей. А поскольку в течение ряда лет он использовал при их лечении гипноз с его постгипнотическим внушением, он отказывается от рационалистического представления о психике как о совокупности протекающих при свете сознания процессов восприятия и мышления и все больше убеждается в важной роли в ней неосознанных компонентов и сил. В 1895 г. в «Проекте научной психологии» он предлагает первое теоретическое описание *бессознательного*, ставшее краеугольным камнем его своеобразного направления психологии. Видимо, это превратило свойственную любому ученому склонность переходить от явления к сущности, от известного к неизвестному в своеобразное – *глубинное* – представление о психике, в которой за видимым располагалось скрытое, за поверхностным – находящееся в ее глубинах, за привычным – необычное, и это изрядно затрудняло восприятие психоанализа не только простыми людьми, но и специалистами. Скажем, в «Толковании сновидений» Фрейд выделяет наряду с явным содержанием увиденного во сне и припоминаемого после пробуждения скрытые идеи (по большей части неосознанные желания, порой весьма сомнительного свойства), о наличии которых сновидец порой даже не подозревает, да и признаваться в их существовании не очень-то желает.

В результате Фрейд сравнивает психику с айсбергом, только $\frac{1}{7}$ часть которого находится над водой (то есть осознана), остальная же скрыта в потемках и мраке морских глубин. Здесь нет нужды подробно останавливаться на непростой фрейдовской картине психики в целом, но кое-что придется особо дотошным читателям сообщить. В ее основание, расположенное между соматикой и психикой, Фрейд помещает *влечения* – жизненно важные, энергетически заряженные устремления организма, задающие весьма широкий набор действий и нуждающиеся в удовлетворении. После 1915 г. Фрейд говорит о двух основных – сексуальных и агрессивных – влечениях. Над этим слоем размещается *бессознательное*, состоящее из психических представителей влечений, врожденных или вытесненных из сознания. Сюда входят порождаемые влечением побуждения, мотивы, эмоции, намерения, представления, мысли и т. п. На верхнем уровне психики, обеспечивающем связь с реальностью, находятся *предсознание* и *сознание*. Их составляют психические явления и силы, о существовании которых индивид знает или которые он может осознать, затратив некоторые усилия, о содержании же бессознательного он, как правило, не имеет никакого представления. Борьба, конфликты и компромиссы этих трех ступеней психики определяют жизнедеятельность человека, разумного лишь отчасти.

Впрочем, вернемся к «Психопатологии». После сказанного понятно, что если ошибочные действия располагаются в области сознания, то их истоки Фрейд, естественно, усматривает в бессознательном или предсознательном, в своего рода «подполье» психики. Связи между уровнями он устанавливает с помощью метода свободных ассоциаций – своеобразного прибора ночного видения, позволяющего ориентироваться во мраке бессознания. Таким образом, анализ нарушений психических функций становится еще одной дорогой в глубины психики.

Прежде чем перейти к содержанию «Психопатологии», скажу несколько слов о ее явной ориентированности на широкого читателя. На мой взгляд, это обусловлено тем, что, поскольку книга о сновидениях не принесла автору долгожданной и вполне заслуженной известности (почти никто из видных психиатров и психологов не обратил на нее внимания, да и продавалась она плохо), своим новым произведением создатель психоанализа решает двоякую задачу: продвигая дальше методы исследования бессознательного, он одновременно стремится популяризировать свои новаторские идеи среди широкой публики и для этого наполняет книгу наглядными, порой забавными примерами, сознательно избегает сложных теоретических построений, которыми изобиловало «Толкование сновидений». Замечу, что с обеими задачами Фрейд отлично справился, что позволило другому видному психологу XX века Карлу Юнгу посчитать книгу «поучительной, приятной для чтения, понятной и неспециалистам». И действительно, она стала самой читаемой книгой Фрейда, переведенной на все основные языки

мира, многократно переиздаваемой (при этом она постоянно пополнялась новыми примерами и увеличилась в объеме чуть ли не в два раза): с 1901 по 1924 г. только на немецком языке она выдержала более десятка изданий.

Свой будущий бестселлер Фрейд начинает с уже упомянутого случая с фамилией Синьорелли. Ему удастся вполне убедительно продемонстрировать, как из частей слов предшествующей части беседы в памяти всплыли подменные фамилии Боттичелли и Больтраффио. Понятны и мотивы, побудившие Фрейда сменить тему разговора. А вот вопрос, достаточно ли их для нарушения функции памяти, вызывает у меня некоторые сомнения. Говорю об этом для того, чтобы читатель не пугался, если обнаружит, что анализу отдельных случаев не хватает доказательности.

Заметно достоверней выглядит пример из следующей главы. Беседуя с Фрейдом, один хорошо образованный молодой человек собирался завершить сетования по поводу судьбы своего поколения цитатой из «Энеиды» Вергилия. Этому помешал, однако, сбой памяти, в которой затерялось где-то местоимение «aliquis» (некий – *лат.*). Фрейд берется объяснить причины этого и просит собеседника сообщить ему свои ассоциации с забытым словом. Приведя несколько: Reliquien, Liquidation, Flüssigkeit (жидкость – *нем.*), мужчина вспоминает о чуде святого Януария, сохранившаяся засохшая кровь которого становилась в определенный день и час жидкой. Это приводит психоаналитика к разгадке: причиной забывания стало предчувствие молодым человеком изрядных неприятностей из-за прекращения менструации («жидкой крови») у любовницы. Его согласие с этим предположением позволило Фрейду сделать вывод: причиной выпадения из памяти имен и иностранных слов являются неприятные чувства, вытесняемые из сознания или подавляемые им. Механизм такого забывания состоит в нарушении воспроизведения имени или слова посторонним и неосознанным в данный момент ходом мыслей. Между ними и мешающим их воспроизведению комплексом существует либо с самого начала какая-то связь, либо эта связь устанавливается в процессе анализа с помощью порой весьма поверхностных ассоциаций. А поскольку сознание можно представить себе, в частности, как изрядный клубок сложно переплетенных между собой слов, относящихся к расположенным на разных уровнях психики стремлениям, эмоциям и мыслям, то возникает возможность выбора различных ассоциативных маршрутов, а потому и возможность прийти к весьма различным выводам. Известно, скажем, что разные психоаналитики по-разному толковали одни и те же сновидения.

Предложив ответ на вопрос, почему люди забывают что-то, Фрейд переходит к другому: для чего они это делают? При этом он опирается на недавно проведенное им исследование целей и смысла человеческих воспоминаний о детстве, названных им маскирующими. В качестве их примера он приводит рассказ молодого мужчины, вспомнившего, как в детстве тетушка учила его читать и объясняла непонятную ему разницу между буквами «m» и «n». Эта заурядная, но ярко запечатленная сценка сохранилась в памяти, как полагает психоаналитик, по той причине, что тетушкины пояснения «у одной буквы на одну часть больше» пригодились ребенку позже, когда его стал мучить вопрос о различии между полами. Исходя из небольшого количества примеров и разного рода соображений, Фрейд склоняется к выводу: так называемые воспоминания о раннем детстве представляют собой не отпечаток давнишних реальных впечатлений, а их переработку под действием возникших позднее психических сил. Не только память о детстве крайне ненадежна, но и в последующей жизни ей не следует особенно доверять. Если в первом случае она «маскирует» недозволенные обществом инфантильные сексуальные переживания и влечения, то в дальнейшем память искажает, сглаживает, смягчает свое содержимое соответственно требованиям культурного окружения, собственного мировоззрения и самосознания.

Главу об оговорках Фрейд начинает с довольно подробного и в целом положительного обзора книги «Обмолвки и очитки» Мерингера и К. Майера, рассматривающих эти ошибки

речи с лингвистической точки зрения и открывших ряд механизмов, объясняющих их появление. Он даже позаимствовал у них ставший одним из самых известных примеров «оговорок по Фрейду»: происшествие с председателем палаты депутатов австрийского парламента, который однажды открыл его заседание словами: «Уважаемое собрание, констатирую наличие кворума и объявляю заседание *закрытым*». Смех в зале обратил его внимание на произошедшую подмену слов, он исправился, но всем стало ясно его нежелание начинать работу, не сулившую ему на этот раз ничего хорошего.

Приведя ряд примеров, подтверждающих мысль соавторов о влиянии звуковых и смысловых соотношений слов на появление обмолвок, он добавляет ряд примеров, в которых явно действует какой-то психический фактор. Так, он пересказывает сообщение сотрудничавшего с ним тогда В. Штекеля, который, живописуя своей выздоравливающей пациентке прелести предстоящего ей пребывания в санатории, совершенно неуместно обронил: «Если вы, на что я надеюсь, *не скоро* встанете с постели». За этой оговоркой явно затаилось эгоистическое желание и дальше лечить богатую больную, а теперь вдруг оно обнаружило себя. Похожее саморазоблачение имело место и на юбилее шефа, на котором его сотрудник, произносящий тост, призывает: «Предлагаю наплевать [вместо глагола «anzustoßen» – выпить – употреблен «aufzustoßen»] на здоровье дорогого шефа» – и тем самым ненароком выдает свое истинное отношение к нему. Опираясь еще на несколько аналогичных примеров, Фрейд приходит к выводу: в большинстве оговорок действуют силы *из-за пределов* задуманных фраз. Сами по себе словесные ассоциации речевого материала не способны вызвать оговорку, для этого требуется какая-то сильная эмоция, чаще всего неосознанная мысль, то ли противостоящая задумке, то ли просто отличающаяся от нее (довольно часто мужчины называют своих подруг другими женскими именами, и о направленности подобных оговорок женщины догадываются без помощи психоанализа). Ассоциация для Фрейда – всего лишь готовый механизм, который в подходящий момент использует упомянутый психический фактор. Иной раз он применяет его так искусно, что на некоторых страницах книги можно встретить несколько острот, так что вполне естественно через четыре года появление книги «Остроумие и его отношение к бессознательному».

Поскольку чтение и письмо – близкие родственники речи, Фрейд объясняет описки, опечатки с помощью механизма, действующего при оговорках. Приведу только по одному примеру такого рода нарушений. Фрейд, собиравший разного рода античные раритеты, сообщает, что часто, прогуливаясь по улицам незнакомого города, он прочитывал как «Антиквариат» вывески магазинов, хоть малость для этого подходящие, то есть принимал желаемое за действительное. Только что упомянутый Штекель приводит весьма типичный пример опечатки, оставшейся в газете после целого ряда сверок: «Наши читатели свидетельствуют, что мы всегда самым корыстным [вместо „бескорыстным“] образом отстаивали общественное благо». Скорее всего, в пропуске опечатки сказалось сомнение людей, проводивших сверку, в достоверности фразы.

Надеясь расширить знания о функционировании памяти, Фрейд еще раз затрагивает проблему забывания, а именно забывания когда-то пережитых впечатлений и еще не реализованных намерений. Вначале на двух примерах он демонстрирует, что и при этом виде нарушений памяти действует правило: мотивом забывания является нежелание по каким-то причинам вспоминать. В первом случае он собрался пожаловаться одному из друзей на свою жену, внимательно слушавшую разглагольствования неприятного ему человека, но не сумел вспомнить их содержание, да и не хотел обидеть жену. В другой раз он не сдержал обещание купить маленький сейф одной знакомой, потому что забыл адрес магазина, его продававшего и располагавшегося в доме, где проживало семейство, с которым он рассорился.

Заметив, что склонность забывать свойственна всем людям, Фрейд добавляет, что при смене характера ассоциаций с забытым предметом (с негативного на позитивный) забывание

чаще всего прекращается, и подтверждает это примером. Один молодой человек рассказал ему, что по ряду причин у него испортились отношения с женой. Чтобы их улучшить, та подарила ему книгу, которая вроде бы должна была его заинтересовать. Супруг пообещал прочесть ее, но куда-то книгу положил и никак не мог найти. Спустя полгода ситуация в семье изменилась: заболела мать мужа, жена стала за ней самоотверженно ухаживать. Как-то раз восторгающийся ее поведением муж «без определенного намерения, но с сомнамбулической уверенностью» подошел к столу, выдвинул один из ящиков и обнаружил там сверху искомую книгу.

Убедительнее всего роль неосознанных факторов демонстрирует, по мнению Фрейда, забывание намерений, под которыми понимается готовность осуществить намеченный план действий в конкретное время и при определенных условиях. У намерения довольно специфические отношения с памятью: если человек утвердился в своем желании, то на некоторое время может забыть о нем, потому что при приближении времени реализации мысль о нем, чаще всего сама по себе, всплывает в сознании и заставляет человека делать нужные для этого приготовления. Если же этого не происходит, то естественно предположить, что либо произошло резкое изменение намерений, либо появилась какая-то противостоящая задумке сила, как правило неосознаваемая. Поясняет это Фрейд весьма доходчиво: «Любовник, опоздавший на свидание, напрасно будет оправдываться, что просто запамятовал о нем», поскольку дама, скорее всего, заметит: «Год назад ты бы об этом не забыл, а теперь ты меня разлюбил».

Не всегда, правда, смысл забывания так легко раскрыть, но его непременно вызывают какие-то неосознаваемые или непризнаваемые человеком мотивы. Очень часто они являются признаком маловажности задуманных действий для их исполнителя; о делах по-настоящему важных люди забывают крайне редко. Встречаются случаи и посложнее. Так, Фрейд припоминает, что в прежние годы при большом количестве пациентов если он и забывал о каком-то визите, то лишь о бесплатном. Так что даже у вполне приличных людей можно обнаружить отнюдь не украшающие их побуждения.

Далее Фрейд рассматривает ошибки при манипуляциях с предметами. А поскольку в рассматриваемой ранее речи важную роль выполняет моторика, то он считает правомерным распространить представление о механизмах ее нарушения и на другие двигательные акты, а значит, и их нарушения вызваны какими-то неосознанными или плохо осознанными мотивами. Двигательные ошибочные действия создатель психоанализа разделяет на действия, где главным представляется уклонение от задумки (их он называет «ошибочным захватом вещи» – *Vergreifen*), и на действия, нецелесообразные в целом (они называются «симптоматическими»).

Вполне убедительно выглядит фрейдовский анализ нарушений первого вида. Тут психоаналитик приводит пример из собственной жизни, когда он – вроде бы нечаянно – разбил крышку чернильного прибора, о котором весьма нелестно высказывалась его сестра. Последующий анализ показал, что на это происшествие повлияла надежда, что взамен она подарит ему новый. Анализ аналогичных историй убедил Фрейда, что они не были чисто случайными и не стали результатом физической неловкости. Отметим, однако, что он имеет в виду только те случаи, когда их виновник не особенно жалеет о разбитой или поломанной вещи, что косвенно доказывает: в их совершении участвовали какие-то неосознанные мотивы (например, желание отделаться от надоевшей вещи).

Особенно интересны суждения Фрейда о несчастных случаях, когда люди падают, оступаются, поскользываются и т. п. Он уверен, что и их не всегда следует понимать как случайное нарушение двигательного акта. Кстати, в последней трети XX века к исследованию «несчастливцев», на которых с удивительным постоянством обрушиваются разного рода бедствия, обратились – и вполне успешно – психосоматики. Фрейд же считает, что такие задачи как бы подстроены невротическим состоянием или сексуальными фантазиями. За ними очень часто скрывается бессознательное стремление к самонаказанию – порой вкупе с жела-

нием избежать неприятной жизненной ситуации или с намерением наказать другого человека, пусть даже ценой собственных страданий. Об одном из мотивов подобных действий свидетельствует пословица: «Если девица падает, то чаще всего на спину». Наконец, венский психолог допускает даже случаи «полунамеренного самоубийства».

Закончив анализ первого вида нарушений моторики, вызванных влиянием каких-то неосознанных мотивов, Фрейд переходит к исследованию второго их вида – ошибок автоматических («симптом» означает в данном случае некое свойство, которое существует не только само по себе, но и является признаком чего-то другого, скажем «симптом болезни») или непреднамеренных, «бездумных», непредвиденных – случайных в этом смысле слова. В целом же Фрейд имеет в виду двигательные действия, за которыми скрывается нечто, чего в них не видит совершающий их человек, поэтому подобные промашки заслуживают особого внимания врачей, ведь порой они говорят о пациенте больше, чем тот хотел бы. К примеру, потерю вещи или ее отсутствие в определенном месте можно толковать так: человеку перестала нравиться она или как-то связанная с нею персона. В этой связи весьма показателен приведенный в книге пример с женщиной, увидевшей заинтересовавшего ее мужчину и забывшей, что уже несколько недель она замужем за ним. Спустя несколько лет их брак закончился самым печальным образом. Впрочем, подобные ошибки часто становятся причиной недоразумений между людьми, поскольку допустившие их люди не чувствуют за собой вины, а «потерпевшие» догадываются о скрытых за ними мыслях или побуждениях.

От рассмотренных ранее видов забывания Фрейд отличает заблуждение, когда неправильное припоминание не ощущается как ошибка, а принимается на веру; ошибочность же его улавливается позднее. В данном случае суть дела не в ошибках памяти, а в забывании по-настоящему или в незнании фактического материала. Он приводит несколько примеров подобных заблуждений из «Толкования сновидений» и демонстрирует, что по большей части допущенную ошибку не замечают из-за стремления о чем-то умолчать или вытеснить это из сознания.

Подводя итоги проделанной работы, Фрейд достоинством книги считает то, что в ней удалось доказать детерминированность неосознанными факторами считавшихся ранее случайными нарушений психических функций – разнообразных ошибочных действий. В психике нет ничего беспричинного, утверждает психоаналитик и в дополнение к приведенным ранее аргументам анализирует причины произвольно выбранного имени Дора и, казалось бы, наобум названного числа 2467. Его рассуждения по этому поводу выглядят вполне логично, однако не отменяют ранее высказанного мною сомнения: а не возможны ли в ассоциативном поле другие маршруты, а стало быть, и иные выводы об их мотивах?

Признание наличия в психике наряду с сознательными еще и мотивов неосознанных позволяет Фрейду внести некоторые новые аспекты в понимание свободы воли. Он убежден, что идея всеобщей детерминированности психических явлений не противоречит уверенности людей в обладании ими такой свободой. Правда, автор отмечает, что наиболее явно люди чувствуют свою свободу при «совершении не особенно важных действий, в случае же судьбоносных деяний они, напротив, ощущают их необходимость». В подтверждение он приводит знаменитую фразу Лютера: «На этом стою и не могу иначе». Не забудем, однако, что великий протестант произносит ее, когда выбор уже сделан, и, что бы он ни говорил, его он совершил по своей воле. Так что свобода – это выбор из альтернативных решений, каждое из которых по-своему детерминировано. Кроме того, появлению упомянутой уверенности способствует существование у нас побуждений, нами не осознаваемых.

Далее Фрейд чувствует необходимость кое-что добавить относительно значимости бессознательных мотивов. В этой связи он обращается к своим наблюдениям над пациентами и суеверными людьми.

По его мнению, общеизвестно, что параноики уделяют чрезвычайное внимание мелким, обычно не замечаемым нами деталям поведения других людей, не признают их случайными

и постоянно интерпретируют их. С некоторой долей иронии замечу, что пока они действуют подобно самому Фрейду. Но поскольку параноики неспособны объяснить их научно, они прибегают к приему, типичному для детского мышления: они судят об окружающих по тому, что знают о себе и собственной психике, то есть проецируют собственные побуждения, эмоции и мысли на других людей. А в связи с тем, что они острее воспринимают и даже осознают происходящее в своей душе, чем нормальные люди, они приписывают последним то, что свойственно их же бессознанию.

Довольно похоже ведут себя и люди, верящие в приметы, предзнаменования и т. п., то есть люди суеверные. Фрейд полагает, что истоки суеверий, а также мифологии и легенд находятся у самых начал человеческого мышления, когда люди, не умея объяснять внешний мир объективно, населяли его антропоморфными существами, управляющими и миром, и ими самими. Не ведая причин своих ошибочных действий, первобытные люди полагали, что таковые – это своего рода сигналы, подаваемые им этими добрыми или злыми существами. В результате психоаналитик выдвигает масштабную идею: «Значительная часть мифологического мировоззрения вплоть до самых современных религий есть *не что иное, как спроецированная во внешний мир психология*. Смутные догадки... о психических факторах и их отношениях с бессознательным... отобразились в конструировании *сверхчувственной реальности*, которую наука обязана опять превратить в психологию бессознательного». Позднее Фрейд еще больше сблизит религию с неврозом навязчивых состояний, что сделает его одним из самых жестких современных критиков религии.

Занятие психологией суеверий побудило создателя психоанализа затронуть еще один – модный тогда – вопрос: можно ли категорически отрицать существование предчувствий, вещих снов, телепатических явлений, действий сверхчувственных сил и т. п. Отмечая, что не стоит спешить с решением этого вопроса, на который отвечали положительно многие интеллектуалы и который в любом случае требует тщательного исследования, он не без иронии заявляет: «С сожалением должен признаться, что принадлежу к числу тех недостойных индивидов, в чьем присутствии духи прекращают свою деятельность, да и сверхчувственное испаряется, так что я никогда не имел случая лично пережить что-то, позволяющее верить в чудеса». За этим следует критический разбор так называемых вещих снов и впечатления, что в определенной ситуации ты уже оказывался. К теме же телепатии он вернется позже в статье «Психоанализ и телепатия» (1921).

Заканчивается книга итоговым ответом на три вопроса о мотивах ошибочных действий: 1) об их происхождении и содержании; 2) об условиях их проявлений; 3) о характере связи с вызвавшими их психическими факторами. «По первому вопросу, – пишет Фрейд, – можно сказать, что в ряде случаев легко установить происхождение искажающих действия мыслей от подавленных устремлений психики. Эгоистические, ревнивые и враждебные чувства, над которыми тяготеет давление нравственного воспитания, у здоровых людей нередко используют ошибочные действия, чтобы хоть как-то проявить свою безусловно существующую, но не признаваемую высшими психическими инстанциями силу. Возможность совершать эти ошибочные и симптоматические действия обеспечивает приемлемую терпимость к безнравственному. Среди этих подавляемых побуждений немалую роль играют разнообразные сексуальные устремления».

На второй и третий вопросы получить определенный ответ пока не удалось, для этого требуется более широкая точка зрения, объединяющая знания об ошибочных действиях с пониманием работы сновидений и образования невротических симптомов. Пока же Фрейд ограничивается весьма абстрактным выводом: в этих трех случаях действует вытесненный из сознания психический материал, не утративший в то же время своей активности.

«Психопатология обыденной жизни» продолжила тенденцию «Толкования сновидений» подчеркивать мощь бессознательных компонентов психики. Тем самым вместе они сокрушили

просветительскую убежденность в безоговорочной рациональности человека, утвердив представление о человеке как о двуличном существе. На одном его лице, обращенном к обществу, мы видим проявления цивилизованности и уверенности, склонности к сотрудничеству и альтруизму. За этим ликом скрывается *homo naturalis* – существо необузданное, обуреваемое страстями, эгоизмом и агрессивностью. В реальных людях их личность и личина играют очень неравную роль, и только меньшинству удастся обрести между ними баланс, приемлемый для них самих и для их культурного окружения.

Р. Ф. Додельцев

Психопатология обыденной жизни *О забываниях, оговорках, оплошностях, суевериях и заблуждениях*

*Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье².*

Гёте. Фауст. ч. II, акт V, сц. 5

I

Забывание имен собственных

В 1898 г. в «*Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie*» под названием «О психическом механизме забывчивости» я опубликовал небольшую статью, содержание которой собираюсь здесь повторить в качестве отправного пункта дальнейших размышлений. В ней на удачном примере из самонаблюдений я подверг психическому анализу весьма типичный случай кратковременного забывания имен собственных и пришел к выводу, что этот заурядный, не очень-то значительный, одиночный сбой памяти предполагает объяснение, далеко выходящее за пределы обычного использования подобного происшествия.

На просьбу объяснить, почему так часто не приходит в голову имя, вроде бы хорошо знакомое, какой-нибудь психолог, если не очень ошибаюсь, ограничился бы, скорее всего, ответом, что имена собственные вообще легче забываются, чем какое-либо другое содержимое памяти. И стал бы приводить правдоподобные причины такого их «преимущества», не подозревая даже о возможности иной обусловленности подобного нарушения процесса припоминания.

К обстоятельным занятиям феноменом временного забывания имен меня подтолкнуло наблюдение определенных деталей, которые удалось довольно четко выделить, хотя и не во всех, а лишь в отдельных случаях. В них, правда, имело место не только *забывание*, но и *ошибочное припоминание*. Человеку, пытающемуся вспомнить выпавшее из памяти имя, на ум приходят другие – *подменные* — имена, которые, пусть и сразу же признаются неправильными, тем не менее с завидным упорством снова и снова лезут в голову. Процесс, который был призван привести к искомому имени, оказался как бы *смещенным* и ведущим поэтому к ошибочной замене. После этого я исходил из предположения, что этот сдвиг представляет собой не акт психического произвола, а движение по закономерному и вполне просчитываемому пути. Иначе говоря, я допустил, что эрзац-имя или имена находятся в доступной исследованию связи с разыскиваемым именем, и надеюсь, если заладится, ее установить, а тем самым прояснить и ход забывания имен.

В отобранном мною в 1898 г. для анализа примере из памяти выпала фамилия мастера, создавшего в соборе городка Орвието великолепные фрески с изображением Страшного суда. Его фамилию я тщетно и силился припомнить. Вместо нужной – Синьорелли – в памяти назойливо всплывали фамилии двух других художников – Боттичелли и Больтраффио, но их моя способность судить немедленно и решительно отвергала как неподходящие. Когда же кто-то

² Перевод Б. Л. Пастернака; в этом переводе содержание оригинала передано только частично.

посторонний подсказал мне правильный ответ, я сразу же и не колеблясь принял его. Исследование того, под какими воздействиями и по каким ассоциативным путям воспроизведение фамилии сместилось с *Синьорелли* на *Боттичелли* и *Больтраффио*, привело к следующим выводам:

а) Причину выпадения фамилии *Синьорелли* из моей памяти не нужно искать ни в ее своеобразии, ни в психических особенностях контекста, в который она была включена. Позабывтая, она была мне так же хорошо знакома, как и одна из эрзац-фамилий (*Боттичелли*), и гораздо лучше известна, чем вторая подмена – *Больтраффио*. О ее обладателе я едва ли мог сообщить что-то, кроме его принадлежности к миланской школе живописи. Контекст же, в котором произошло забывание, представляется мне несложным и не требующим дополнительных пояснений: я ехал в экипаже с одним незнакомым господином из Рагузы (Далмация) после остановки в Герцеговине. Мы заговорили о путешествии по Италии, и я спросил спутника, бывал ли он раньше в Орвието и осматривал ли там знаменитые фрески... NN.

б) Процесс забывания имен прояснился, лишь когда я восстановил в памяти предыдущую тему беседы, что позволило понять его как результат *расстройства внезапно возникшей новой темы разговора темой предшествующей*. Короче говоря, до того, как я задал своему попутчику вопрос, бывал ли он прежде в Орвието, мы беседовали о нравах живущих в *Боснии* и *Герцеговине* турок. Я сообщил, что от практикующего в их среде коллеги слышал, что у них принято выказывать полное доверие врачу и безоговорочную покорность судьбе. Когда приходится объявлять им, что больному помочь не удастся, они говорят в ответ: «Что тут скажешь, господин! Знаю, что, если бы его можно было спасти, ты бы это сделал!» С самого начала в разговоре встречались слова и названия: *Босния*, *Герцеговина*, *господин* (Herr), которые поддаются включению в ассоциативную цепочку между *Синьорелли* (синьор – господин) и *Боттичелли* – *Больтраффио*.

в) Я допускаю, что ряд мыслей о нравах турок в Боснии и т. д. мог внести помехи в следующие за ним соображения, потому что мое внимание отвлеклось от разговора раньше, чем довело его до конца. Совершенно точно помню, что я собирался рассказать вторую интересную историю, хранившуюся в моей памяти рядом с первой. Эти турки превыше всего ценят половое наслаждение и при расстройствах сексуальности впадают в отчаяние, удивительным образом контрастирующее с их безразличием к угрозе смерти. Один из пациентов моего коллеги как-то сказал ему: «Знай же, *господин*, если *этого* не будет, зачем тогда жить». Я подавил желание сообщить об этой их особенности, не желая в разговоре с посторонним касаться такой деликатной темы. Однако сделал и кое-что посерьезнее: отвлек внимание от продолжения мыслей, которые у меня могли подсоединиться к теме «Смерть и сексуальность». Дело в том, что тогда я пребывал под впечатлением от известия, полученного несколькими неделями ранее во время остановки в Трафое³. Один пациент, доставивший мне много хлопот, покончил с собой по причине неизлечимого полового недуга. Я совершенно уверен, что в ходе той поездки в Герцеговину это печальное событие и все с ним связанное не всплывало в осознанной памяти. И все же созвучие *Трафой* – *Больтраффио* подвигло меня предположить, что в тот момент это смутное воспоминание подействовало на меня вопреки моему намерению отвлечься от него.

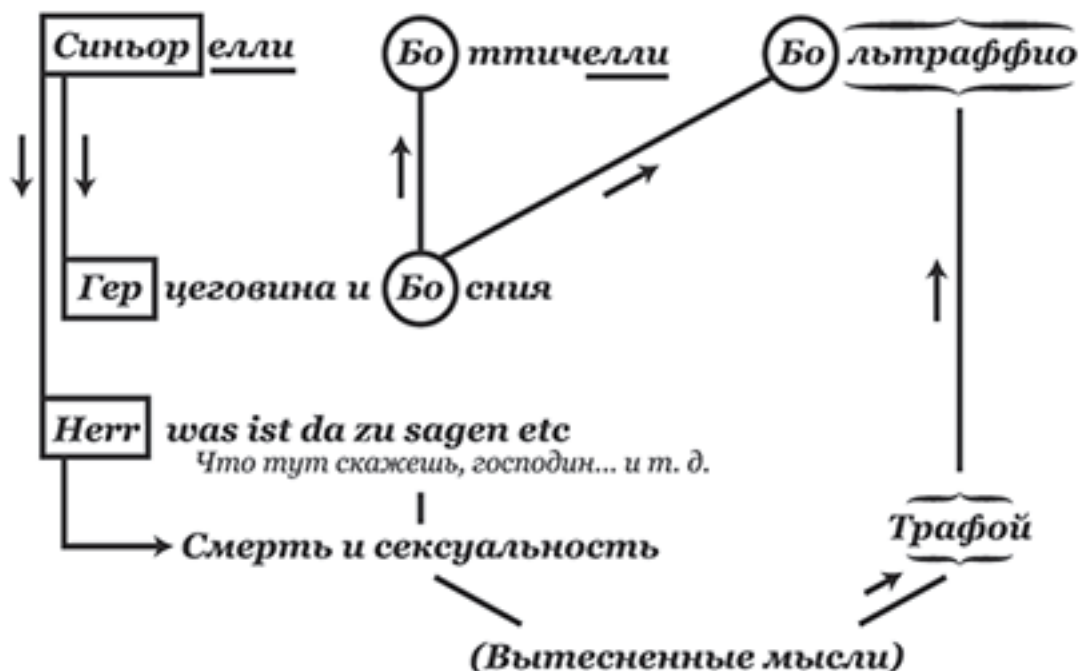
г) Больше я не мог воспринимать забывание фамилии Синьорелли как простую случайность и обязан был признать влияние в ходе него некоего *мотива*, точнее говоря, мотивов, побудивших меня воздержаться от сообщения моих мыслей (о нравах турок и т. д.), а затем подвигших исключить из процесса осознания примыкающие соображения, которые довели бы меня до известия, полученного в Трафое. Итак, я намеревался что-то забыть и *вытеснил* это⁴.

³ Трафой – небольшая деревушка в Тироле (Австрия).

⁴ ...я намеревался что-то забыть и вытеснил это. – Вытеснение (Verdrängung) – в психоанализе механизм психической защиты «Я», с помощью которого субъект удаляет из сознания и/или удерживает в бессознательном состоянии желание, представление, мысли, связанные с неприемлемыми для него влечениями.

Правда, это касалось чего-то отличного от фамилии создателя фресок в Орвието, но этому другому удалось установить ассоциативную связь с этой фамилией, так что мое волевое усилие не достигло цели и *вопреки своей воле я забыл одно, тогда как хотел вычеркнуть из памяти другое*. Нежелание восстанавливать в памяти оказалось направлено против одной части содержимого памяти, неспособность же припомнить выступала против другой. Очевидно, было бы гораздо проще, если бы нежелание и неспособность вспоминать относились бы к одному и тому же содержанию. После этого разъяснения даже имена-подмены больше не кажутся мне непредсказуемыми. Они напоминают мне (будучи своеобразным компромиссом) в равной мере о том, что я забыл, и о том, что хочу припомнить, и демонстрируют, что мое намерение нечто забыть не вполне удалось, но и не завершилось полной неудачей.

д) Весьма необычен вид связи, установившейся между отыскиваемым именем и вытесненной темой разговора (о смерти, сексуальности и т. д.), в котором встречались названия Босния, Герцеговина, Трафой. Предложенная далее схема (повторяющая таковую из статьи 1898 г.) призвана сделать эту связь наглядной.

В схеме фамилия Signorelli (Синьорелли) разделена на две части. Одна пара слогов (*elli*) повторена без изменений в фамилии-подмене (*Botticelli*). Другая же пара *Signor* в результате перевода на *Herr* (оба слова означают «господин») вступает в два неодинаковых отношения со словами, встречающимися в вытесненной теме беседы (*Herr* и *Herzegowina*), и в итоге становится недоступной для припоминания. Замена этой части фамилии происходила как бы путем перемещения словосочетания «Герцеговина и Босния» без учета смысла и акустического различия слов. То есть в ходе этого процесса со словами обращались как в графическом изображении некоего высказывания в виде собрания картинок-загадок (ребуса). Об этом процессе в целом, создавшем этими путями вместо фамилии Синьорелли эрзац-фамилии, сознанию ничего не было известно. Соотношение между темой разговора, в которой подспудно присутствовала фамилия Синьорелли, и предшествующей ей вытесненной темой, которая ограничилась повторением одних и тех же слогов (точнее, сходной последовательности букв), выглядит *поначалу* недоступным выяснению.

Пожалуй, нелишним будет заметить, что предполагаемые психологами условия припоминания и забывания, отыскиваемые в определенной организации и предрасположенности памяти, не противоречат приведенным ранее разъяснениям. Мы лишь добавили ко всем давно известным факторам, способным содействовать в некоторых случаях забыванию имен собственных, еще один *мотив* и, кроме того, прояснили механизм ошибочного припоминания. Упомянутая предрасположенность необходима и в нашем примере, ибо иначе вытесненный компонент с помощью ассоциации завладел бы искомым словом и уготовил бы ему свою участь. В случае какого-то другого имени с более благоприятными условиями для припоминания этого, возможно, не произошло бы. Впрочем, вполне вероятно, что в любом случае подавленный компонент стремится проявить себя как-то иначе, однако успех достигается только там, где ему способствуют подходящие условия. В ином случае подавление добывается результата без нарушения функций или, можно сказать, без появления *симптомов*.

Итак, объединение условий забывания имени с ошибочным припоминанием свидетельствует о наличии: 1) определенной предрасположенности к забыванию этого имени; 2) закончившегося незадолго до этого процесса подавления; 3) возможности установить *поверхностную* ассоциативную связь между «пострадавшим» именем и ранее подавленным компонентом психики. Последнее условие не следует, видимо, оценивать слишком высоко, ведь при небольших требованиях к созданию ассоциаций таковую удастся создать в подавляющем большинстве случаев. Другой и более серьезный вопрос: может ли такая поверхностная ассоциация и в самом деле стать достаточной для того, чтобы вытесненный компонент помешал припоминанию искомого имени и не необходима ли для этого более тесная связь между двумя темами беседы? При беглом взгляде последнее условие следовало бы отклонить и признать достаточной для этого простую смежность во времени даже при полной несопоставимости их содержания. Однако при более обстоятельном подходе все чаще происходит так, что оба связанных такой ассоциацией компонента (вытесненный и новый) обладают, кроме всего прочего, еще и связью по содержанию; подобную связь удастся обнаружить в примере с *Синьорелли*.

Ценность понимания, добытого при анализе примера с Синьорелли, зависит, естественно, от того, собираемся ли мы считать этот случай типичным или единичным. Со своей стороны я склонен утверждать, что забывание имен вместе с их ошибочным припоминанием неожиданно часто происходит именно так, как мы выяснили только что. Чуть ли не каждый раз, когда я наблюдал подобное за собой, я мог объяснить его упомянутым способом: как мотивированным процессом вытеснения. Должен также предложить в качестве довода в пользу типичности нашего анализа еще одно соображение. Думаю, что неправомерно случаи забывания, сопровождаемые ошибочным припоминанием, в принципе отделять от тех, в которых ошибочные эрзац-имена отсутствуют. Последние приходят в голову в ряде случаев сами по себе; в других же, где они не возникают спонтанно, их появления можно добиться посредством сосредоточения внимания. Тогда они демонстрируют ту же связь с вытесненным компонентом и нужным именем, что и при спонтанном появлении в памяти. Для осознания настоящего имени решающими являются, видимо, два фактора: во-первых, сосредоточение внимания, во-вторых, некое внутреннее удовлетворение при нахождении подходящего психического материала. Последнее можно было бы отличить по тому, насколько легко устанавливать поверхностную ассоциацию между двумя ранее названными компонентами. Изрядная доля случаев забывания имен *при отсутствии* ошибочных припоминаний присоединяется тем самым к случаям с эрзац-именами, в которых действует механизм из примера «Синьорелли». И тем не менее я не решусь утверждать, что все случаи забывания имен можно включить в одну группу. Несомненно, имеют место случаи выпадения из памяти имен, которые протекают гораздо проще. Положение дел мы представим с должной осторожностью, если в конце заявим: *наряду с обычным забыванием имен собственных имеет место еще и забывание, обусловленное вытеснением*.

II

Забывание иноязычных слов

Общеупотребимые богатства нашего родного языка кажутся защищенными от забывания при его нормальном функционировании. Иначе обстоит дело, как известно, с отдельными словами иностранного языка. Предрасположенность к их забыванию легко обнаружить в отношении всех частей речи, а первая ступень расстройства этой функции проявляется в серьезной зависимости нашего владения иностранной лексикой от самочувствия в целом и от степени усталости. Такого рода забывание протекает в ряде случаев согласно тем же механизмам, которые раскрыл нам пример с фамилией Синьорелли. В доказательство расскажу об одном, но весьма примечательном анализе, который касается забывания слова из латинской цитаты, не относящегося к существительным. Позволю себе подробно и наглядно описать это мелкое происшествие.

Прошлым летом я возобновил знакомство, опять же во время отпускного путешествия, с университетски образованным молодым человеком, который, как я вскоре заметил, с доверием отнесся к некоторым моим психологическим публикациям. В одном разговоре мы затронули – уж не помню почему – социальное положение этнической общности, к которой оба принадлежим, и он, будучи честлюбцем, разразился жалобами относительно того, что его поколению, как он выразился, назначено хиреть, так как оно лишено возможности развивать свои таланты и удовлетворять свои запросы. Свою страстью дышащую речь он завершал известным стихом из Вергилия, в котором несчастная Дидона завещает потомкам отомстить за себя Энею⁵: «Exoriare...» Скорее всего, он хотел этим и закончить, только не смог воспроизвести цитату до конца и попытался замаскировать явный провал в памяти перестановкой слов: «Exoriar(e) ex nostris ossibus ultor!» В конце концов он сказал с раздражением: «Пожалуйста, не смотрите на меня иронически, словно радуетесь моему смущению. Лучше помогите. В стихе чего-то не хватает. Как он, собственно говоря, точно звучит?»

«Охотно, – ответил я и правильно процитировал строфу: – „Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor“» [«Да возникнет из наших костей какой-нибудь мститель» – *лат.*].

«Как же я, глупец, мог забыть такое слово?! Впрочем, вы ведь утверждаете, что без причины ничего не забывают. Мне было бы очень любопытно узнать, как я умудрился забыть это неопределенное местоимение *aliquis* (некий, некто – *лат.*)».

Я принял его вызов охотно, так как надеялся пополнить свое собрание подобных случаев. Ему же ответил: «Сейчас узнаете. Должен вас только попросить сообщать мне все *откровенно* и *без какой-либо внутренней самокритики*. Все, что вам приходит в голову, когда вы без всякого умысла направили внимание на забытое слово»⁶.

«Хорошо, мне сразу же пришла в голову забавная мысль разделить это слово следующим образом: *a* и *liquis*».

«Что бы это значило?» – «Не знаю». – «Что вам еще приходит в голову?» – «Дальше следует: *Reliquien* (реликвия) – *Liquidation* (ликвидация) – *Flüssigkeit* (жидкость) – *Flüid* (флюид). Теперь-то вам что-нибудь ясно?»

«Нет, еще рановато. Но вы продолжайте».

⁵ ...известным стихом из Вергилия, в котором несчастная Дидона завещает потомкам отомстить за себя Энею... – Дидона – в древнеримской мифологии царица, основавшая Карфаген. Вергилий в «Энеиде» рассказывает, как защитник Трои, греческий герой Эней, приплыл после падения родного города в Карфаген, где сделал царицу своей любовницей. Соответствующая строфа в переводе А. В. Артюшкова звучит так: «Мститель из наших костей восстанет некий могучий» (Вергилий. Энеида, 57).

⁶ Это обычный путь доведения до сознания скрытой от него группы представлений. Ср. с моим «Толкованием сновидений». – Здесь и далее примеч. автора, кроме отмеченных особо.

«Вспоминаю, – продолжал он, иронически улыбаясь, – о *Симоне Триентском*, чьи мощи видел два года назад в одной из церквей в Триенто. Думаю о кровавых жертвоприношениях, в которых в очередной раз обвиняют евреев, о трактате *Кляйнпауля*, который во всех этих надуманных жертвах видит олицетворения, так сказать, новые издания Спасителя».

«Последняя мысль отнюдь не сторонняя теме, о которой мы беседовали с вами, прежде чем вы забыли латинское слово».

«Верно. Потом я вспомнил о недавно прочитанном очерке в одном итальянском журнале. Помнится, он был озаглавлен: „Что святой Августин говорил о женщинах?“ Что вы с этим сделаете?»

«Пока повременю».

«Ну а теперь в голову приходит что-то совершенно не связанное с темой нашей беседы».

«Будьте добры, воздержитесь от критики и...»

«Хорошо, я помню об этом. А теперь в памяти всплывает симпатичный пожилой господин, с которым я встретился во время путешествия на прошлой неделе. Настоящий *чудак*, он был похож на большую хищную птицу. Его имя, если угодно знать, *Бенедикт*».

«Что же, по меньшей мере сложилась компания из святых и Отцов Церкви: непорочный *Симон*, святой *Августин*, святой *Бенедикт*. Еще одного Отца Церкви, помнится, звали Ориген. Три первых имени используются до сих пор, как и имя Павел (Paul) из фамилии Кляйнпауль (Kleinpaul)».

«Теперь мне вспомнился святой Януарий и его чудо с кровью; но я нахожу, что это пришло в голову после всего сказанного чисто автоматически».

«Позвольте, святой Януарий и святой Августин оба имеют касательство к созданию календаря. Не напомним ли, что это за чудо с кровью?»

«Да вам эта история известна! В одной церкви в Неаполе в сосуде хранится кровь святого Януария, к определенному празднику становящаяся чудесным образом опять *жидкой*. Народ очень чтит это чудо и сильно нервничает, если оно задерживается, как однажды случилось во времена французской оккупации. Тогда командовавший войсками генерал – или я заблуждаюсь? И не Гарибальди ли это был? – отозвал духовного владыку в сторону и, очень выразительно указав на построенных снаружи солдат, дал ему понять, что *надеется* – чудо скоро произойдет. И оно свершилось».

«Ну а дальше? Почему вы запнулись?»

«Сейчас мне действительно кое-что пришло на ум... Но это чересчур интимное, не для передачи. К тому же я не вижу никакой связи с нашей темой, да и надобности рассказывать об этом».

«О связи уж я позабочусь. Ну а заставить рассказывать о чем-то вам неприятном я не вправе. Но тогда и от меня не требуйте разъяснений, как это вы забыли слово *aliquis*».

«Неужели? Вы так думаете? Ну что же, неожиданно я вспомнил об одной даме, от которой вполне мог получить известие весьма неприятного свойства для нас обоих».

«Что у нее не начались менструации?»

«Как вам удалось догадаться?»

«Теперь это было не трудно. Вы меня к этому достаточно подготовили. Вспомните о «календарных» святых, о крови, становящейся жидкой в определенные дни, о волнениях при задержке этого события и об открытой угрозе, чтобы чудо свершилось, а не то... Чудо святого Януария вы превратили в превосходный намек на менструации женщины».

«Даже не подозревал об этом! И вы в самом деле думаете, что из-за этого тягостного ожидания я не сумел вспомнить слово *aliquis*?»

«Ни малейших сомнений у меня по этому поводу нет. Вспомните о своем разделении слова на *a* и *liquis* и об ассоциациях: *реликвии*, *ликвидация*, *жидкость*. Нужно ли мне добавить

к этому перечню еще непорочного Симона, принесенного младенцем в жертву, – он пришел к вам на память в связке с *реликвией*?»

«Да нет, лучше не надо. Надеюсь, вы не сочтете эти мысли за серьезные, хотя они у меня действительно имели место. Хочу вам признаться: эта дама итальянка, в ее обществе я посетил Неаполь. Но разве все это не может быть чистой случайностью?»

«Оставлю на ваше усмотрение, стоит ли все эти связи объяснять случайностью. Скажу, однако, что каждая подобная история, которую вы соберетесь проанализировать, приведет вас к таким же странным „случайностям“»⁷.

Несколько причин заставляют меня высоко оценивать этот маленький анализ, знанием которого я обязан моему тогдашнему спутнику по путешествию. Начать с того, что тут мне довелось черпать сведения из источника, иначе мне недоступного. Ведь существенно чаще примеры нарушения психических функций в повседневной жизни, которые я здесь собрал, мне приходится заимствовать из самонаблюдения. Гораздо более богатый материал, который мне поставляют мои пациенты-невротики, я стараюсь не использовать, поскольку приходится опасаться упрека, что сообщаемые ими сведения как раз являются последствием или выражением невроза. А значит, для моих целей особенно ценны те случаи, когда психически здоровая личность со стороны соглашается стать объектом подобного исследования. Приведенный пример ценен для меня и еще в одном аспекте: он проясняет случай забывания слова *при отсутствии* ошибочного припоминания и подтверждает выдвинутый мною ранее тезис, что появление или отсутствие в памяти неадекватных припоминаний не служит основанием для их существенного различения⁸.

Но главная ценность примера с *aliquis* заключается в другом его отличии от случая с Синьорелли. В том припоминании фамилии мешало воздействие некоего хода мысли, который начался и был прерван незадолго до этого, однако по содержанию у него не было сколь-нибудь четкой связи с новой темой, в которой появилась фамилия Синьорелли. Между вытесненным компонентом и темой с забытым именем существовало только отношение смежно-

⁷ Дополнение 1924 г.: Этот маленький анализ привлек к себе изрядное внимание в профессиональной литературе и вызвал оживленные дискуссии. Именно на его примере Е. Блейлер попытался средствами математики осмыслить достоверность психоаналитических толкований и пришел к выводу, что они более вероятны, чем тысячи неоспоримых медицинских «научных заключений», и занимают свое особое место в результате того, что еще не обрели в психологии определенного уровня научной достоверности (Bleuler E. Das autistisch-undisziplinierte Denken in der Medizin und seine Überwindung, Berlin, 1919).

⁸ Более тщательное наблюдение несколько уменьшает разницу между случаями «Синьорелли» и «aliquis» по отношению к эрзац-припоминаниям. В последнем случае забывание также сопровождалось появлением слова-подмены. Когда задним числом я спросил своего собеседника, не приходило ли ему в голову в ходе усилий восстановить в памяти недостающее слово заменить его каким-то другим, он сообщил, что вначале ощутил искушение вставить в стих *ab; nostris ab ossibus* (возможно, это не связано с a-liquis), а затем ему особенно заметно и назойливо стало лезть в голову слово «*exoriare*». Будучи скептиком, он добавил: очевидно, потому, что было первым словом строфы. Когда же я попросил прояснить ассоциации с этим словом, он выдал мне «экзорцизм» (Exorzismus). Соответственно, я легко догадался, что *exoriare* в ходе припоминания, собственно говоря, и означает такое заменяющее слово. Оно могло всплыть как следствие ассоциации экзорцизма с именами *святых*. Впрочем, все это тонкости, которым нет нужды придавать значение. (Два следующих предложения добавлены в 1924 г.) П. Вильсон в статье «The Imperceptible Obvious» в «Revista de Psiquiatria», Lima, Januar, 1922, напротив, подчеркивал, что повторение *exoriare* имеет более важное объясняющее значение, ведь экзорцизм – это вроде бы лучшая символическая замена вытесненной мысли об устранении посредством аборта вызывающего страх ребенка. С благодарностью я принимаю эту поправку, которая не причиняет ущерба надежности анализа. Теперь, однако, представляется вполне возможным, что появление какого-то вида эрзац-воспоминания является устойчивым, а возможно даже, характерным и выдающим скрытые мотивы признаком тенденциозного, мотивированного вытесненным материалом забывания. Формирование таких имен-подмен может иметь место и там, где не всплывают ошибочные имена и где подмена осуществляется путем упрочнения какого-то элемента, соседствующего с забытым. Так, скажем, в примере с Синьорелли все то время, когда фамилия художника была мне недоступна, у меня появлялись перед глазами визуальные воспоминания о комплексе фресок и о помещенном в углу одной из них его автопортрете, воспоминания *сверхчеткие*, во всяком случае гораздо более яркие, чем следы зрительных впечатлений, обычных для меня. В другом случае, о котором опять-таки сообщалось в статье 1898 г., я напрочь забыл название улицы в незнакомом городе, на которую мне предстояло совершить неприятный визит, однако номер дома запомнился, как бы в насмешку, совершенно точно, притом что обычно запоминание чисел давалось мне с большим трудом.

сти во времени; расширив ее, удалось соединить их внешней ассоциацией⁹. Напротив, в случае *aliquis* не удастся заметить ничего похожего на такую самостоятельную вытесненную тему, непосредственно перед забыванием занимавшую осознанное мышление, а теперь ставшую причиной расстройства памяти. Нарушение припоминания исходит в данном случае из недр отставленной в сторону темы в силу того, что против выраженного в цитате пожелания возникло бессознательное сопротивление. Подобный процесс следует представлять себе следующим образом: мой собеседник выразил сожаление, что нынешнее поколение его народа ущемлено в правах; новое же, предсказывает он, подобно Дидоне, отомстит притеснителям. Стало быть, свое пожелание он адресует последующим поколениям. В этот момент в его голову вторгается противоположная мысль: «Ты в самом деле так живо интересуешься потомством? Ведь это неправда. В каком же трудном положении ты окажешься, если сейчас тебя известят, что придется ждать потомства от известной тебе персоны? Нет, никакого потомства, как бы мы ни нуждались в нем для отмщения!» Это противление оказывает свое действие в настоящий момент, устанавливая, как и в примере с Синьорелли, поверхностную ассоциацию между деталями представления о нем и элементом вызвавшего недовольство желания, правда, на этот раз она устанавливается весьма произвольно с помощью кажущегося надуманным ассоциативного пути. Второе существенное сходство с примером «Синьорелли» заключается в том, что противодействие берет свое начало в вытесненных элементах и исходит от мыслей, вызвавших отвлечение внимания. Пожалуй, о различии и о внутреннем сходстве двух типичных примеров забывания достаточно. Мы познакомились с одним из двух механизмов забывания – с нарушением хода мыслей в результате исходящего из вытесненного материала внутреннего противодействия. С этим кажущимся нам легче постижимым процессом мы еще не раз встретимся в ходе дальнейших рассуждений.

⁹ Я не решился с полной уверенностью утверждать, что отсутствует внутренняя связь между двумя областями мысли в случае с Синьорелли. При тщательном прослеживании вытесненных на тему «смерть и сексуальность» мыслей наталкиваясь все же на идею, соприкасающуюся с темой фресок в Орвието.

III

Забывание названий и сочетаний слов

Наблюдение за ходом забывания некоторой части последовательности иноязычных слов вроде только что приведенного может вызвать желание полюбопытствовать: а не требует ли забывание сочетания слов родного языка существенного иного объяснения? Правда, люди имеют обыкновение не удивляться, когда заученная наизусть формула или стихотворение воспроизводится неточно, с изменениями и пропусками. Но поскольку эти промахи памяти в разной мере касаются заученного, а кроме того, вырывают из него, как видим, отдельные фрагменты, то вполне оправданны усилия исследовать психоаналитически ставшие ошибочными припоминания подобного рода.

Один более молодой коллега, высказавший в беседе со мной предположение, что забывание стихотворений на родном языке мотивировано, видимо, так же, как и забывание отдельных элементов иноязычного текста, предложил одновременно себя в качестве подопытного. После моего вопроса, на каком стихотворении будем проводить эксперимент, он выбрал «Невесту из Коринфа»¹⁰ – весьма любимую им балладу, многие строфы которой он, как ему, по крайней мере, казалось, знал наизусть. С самого начала ее воспроизведения им овладела странная, собственно говоря, неуверенность. Он спросил: «Она называется „*Von Korinthus nach Athen gezogen*“ или „*Nach Korinthus von Athen gezogen*“?» Сперва я тоже засомневался, но затем с улыбкой заметил, что даже название стихотворения «Невеста из Коринфа» не вызывает сомнений, каким путем устремлялся за ней юноша. Далее воспроизведение первой строфы пошло гладко и вроде бы без заметных искажений. После первой строчки второй строфы мой коллега, как показалось, запнулся, но сразу продолжил и процитировал так:

Aber wird er auch willkommen scheinen;
Jetzt, wo jeder Tag was Neues bringt?
nn er ist noch Heide mit den Seinen,
Und sie sind Christen und – getauft.

Чуть раньше меня уже насторожило что-то непривычное: по окончании последней строки мы оба согласились, что здесь имело место какое-то искажение¹¹. Но так как нам не удалось его исправить, мы поспешили в библиотеку, чтобы вооружиться книгой стихов Гёте, и, к нашему удивлению, обнаружили, что вторая строчка этой строфы выглядит совершенно иначе. Памятью моего коллеги она была как бы отвергнута и заменена чем-то незнакомым. Правильно первые строки таковы:

Aber wird er auch willkommen scheinen,
*Wenn er teuer nicht die Gunst erkauft*¹².

Слово «erkauft» (заплачено) подобрано для рифмы со словом «getauft» (крещены), мне же показалось странным, что собрание в одном месте таких слов, как «язычник», «христианин» и «крещены», не особенно помогло точному воспроизведению текста.

¹⁰ ...он выбрал «Невесту из Коринфа»... – «Невеста из Коринфа» – баллада И. В. Гёте.

¹¹ ...мы оба согласились, что здесь имело место какое-то искажение. – А. К. Толстой перевел эту строфу так: Но какой для доброго приема От него потребуют цены? Он – дитя языческого дома, А они недавно крещены.

¹² ... *Wenn er teuer nicht die Gunst erkauft*. – В подлиннике вторая строка совершенно иная, что несколько меняет и смысл первой строки: Но, видимо, он будет неплохо принят, Если кое-что заплатит за добрый прием.

«Можете ли вы объяснить, – спросил я коллегу, – почему в, казалось бы, хорошо вам известном стихотворении вы полностью вычеркнули из памяти строку, и не догадываетесь ли вы, из какого источника позаимствовали подмену?»

Он не сумел это объяснить, хотя явно был не очень этим доволен. «Строка „Jetzt, wo jeder Tag was Neues bringt“ («Теперь, когда каждый день приносит что-то новое») представилась мне знакомой. Вероятно, этими словами я недавно характеризовал мою практику, расширением которой, как вы знаете, в данный момент весьма доволен. Но почему эта фраза прозвучала в пересказе баллады? Я вроде бы уловил какую-то связь. Строка „Если он кое-что заплатит за добрый прием“ была мне явно неприятна. Она связана со сватовством, при котором мне в первый раз было отказано и которое сейчас, с учетом моего заметно улучшившегося материального положения, я надумал повторить. Больше мне нечего вам сказать, но если теперь мое сватовство будет принято, то мне определенно будет неприятно вспоминать о том, что тогда, да и теперь решающую роль играл расчет».

Это казалось мне очевидным даже без более детального знания обстоятельств. Далее я спросил: «Как вы пришли к тому, чтобы подсоединить личную ситуацию к тексту „Невесты из Коринфа“? Может быть, и в вашем случае различие вероисповеданий имело такое же значение, как и в балладе?»

Keimt ein Glaube neu,
wird oft Lieb und Treu
wie ein böses Unkraut ausgeraut.

Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь, и дружба сметены.

(Перев. А. К. Толстого)

Я оказался не прав, но интересно было наблюдать, как один удачно заданный вопрос сразу же сделал человека прозорливым, так что он сумел найти ответ, который до сих пор оставался ему неясным. Невольно он бросил на меня утомленный и слегка недовольный взгляд и пробормотал как бы про себя продолжение:

Sieh sie an genau!
Morgen ist sie grau.

Взгляни на нее [прядь волос] внимательно,
Завтра она станет седой¹³, —

и поспешно добавил: «Она всего чуть-чуть старше меня». Чтобы не мучить его еще больше, я прекратил расспросы. Его объяснение показалось мне удовлетворительным. Удивительным же было, конечно, то, что в попытках свести безобидное ошибочное действие памяти к его причинам нам пришлось затронуть весьма отдаленные, интимные и заряженные неприятными эмоциями обстоятельства жизни обследуемого человека.

¹³ Коллега, впрочем, несколько изменил это превосходное место баллады, искажив ее текст и дословно, и по смыслу. Девушка-привидение говорит жениху: Цепь свою тебе передала я, / Meine Kette hab ich dir gegeben. Но волос твоих беру я прядь. / Deine Locke nahm ich mit mir Rert. Ты их видишь цвет? / Sieh sie an genau! Завтра будешь сед. / Morgen bist du grau. Русым там лишь явишься / Und nur brauer erscheinst du wieder опять! / fort. Искажена вторая строка: «Morgen bist du grau».

Другой пример забывания части известного стихотворения я беру у К. Г. Юнга и излагаю его, цитируя автора¹⁴:

«Один господин собрался продекламировать известное стихотворение „Ель стоит одиноко“¹⁵ и т. д. На строке „и дремлет, качаясь“ он безнадежно замолк, ее продолжение „и снегом сыпучим покрыта, как ризой“ он напрочь позабыл¹⁶. Такое забывание весьма известного стихотворения крайне удивило меня, и я попросил его воспроизвести то, что приходит ему в голову при словах „и снегом сыпучим покрыта“. У него возник следующий ряд ассоциаций: „При этих словах вспоминается саван – кусок льняной ткани, которым накрывают умершего. – Пауза. – Затем у меня возникает мысль о близком друге. Его брат совсем недавно скоропостижно скончался, должно быть, от паралича сердца, к тому же он был *еще и* весьма тучным. Мой друг *тоже* отличался полнотой, и я уже как-то думал: с ним может произойти *то же самое*, похоже, он слишком мало двигается. Когда я услышал об этой смерти, мне вдруг стало страшно, что и со мной может произойти *то же*, так как у нас в семье налицо склонность к ожирению, мой дедушка *тоже* умер от удара, да и себя я считаю излишне толстым и поэтому как раз в те дни начал проходить курс похудения».

«Стало быть, этот господин тотчас отождествил себя бессознательно с елью, окутанной белым саваном», – замечает Юнг.

Следующий пример¹⁷ забывания ряда слов (им я обязан моему другу Ш. Ференци из Будапешта¹⁸) в отличие от предыдущего касается оригинального высказывания, а не заимствованного у поэта текста. Возможно, нам даже покажется не вполне обычным, что забывание поступает на службу к нашему разумению, когда тому угрожает опасность пасть жертвой незапно возникшего непреодолимого желания. Тем самым ошибочному действию удастся выполнить полезную функцию. Возвращаясь в нормальное состояние, мы оправдываем те внутренние устремления, которые до этого могли проявляться только в виде отказа от своей функции, то есть с помощью забывания, психического бессилия.

«В одной компании прозвучала фраза: „Tout comprendre c'est tout pardonner“ [«Все понять значит все простить» – *фр.*]. По ее поводу я заметил, что вполне можно было бы ограничиться первой частью предложения: слово „Pardonieren“ [прощать] лишнее, уступим его Богу и священникам. Один из присутствующих посчитал мою реплику весьма удачной, что сделало меня смелее, и я сказал (скорее всего, ради обеспечения себе хорошего мнения доброжелательного сторонника), что мне совсем недавно пришло в голову кое-что получше. Когда же я собрался обнародовать свою находку, содержание ее мне не вспомнилось, и я немедленно удалился и записал первые пришедшие в голову мысли. Сначала в памяти всплыли имя друга и название улицы в Будапеште, где зародилась искомая мысль; затем имя еще одного друга – *Макса*, которого обычно называли *Макси*, что привело меня к слову «*максима*» и к припоминанию, что в тот момент (как и в ранее упомянутом случае) речь шла о переделке известного принципа поведения. Затем странным образом мне пришла в связи с этим в голову не максима, а фраза: „*Бог создал человека по образу своему*“ – и ее переделанный вариант: „*Человек создал Бога по своему подобию*“. Сразу же вслед за этим в памяти всплыла нужная мысль. На улице Андраши мой друг сказал мне тогда: „*Ничто человеческое мне не чуждо*“, на что я

¹⁴ Jung C. G. Über die Psychologie der Dementia praecox, 1907. S. 64.

¹⁵ ...известное стихотворение «Ель стоит одиноко»... – В переводе М. Ю. Лермонтова первая строка этого стихотворения Г. Гейне весьма похожа: «На севере диком стоит одиноко...»

¹⁶ Соответствующая строка такова: «*Ihn schläfert; mit weißer Decke. Umhüllen ihn Eis und Schnee*» (дословный перевод: «Она дремлет; белым покровом окутывают ее лед и снег»).

¹⁷ Этот и последующие четыре абзаца добавлены в 1910 г.

¹⁸ ...моему другу Ш. Ференци из Будапешта... – Шандор Ференци (1873–1933) – венгерский психиатр и терапевт, с 1908 г. и до своей смерти один из ближайших сподвижников Фрейда. Организовал Венгерское психоаналитическое общество. Разрабатывал проблемы интроекции и новые методы психотерапии.

заметил (намекая на психоаналитические наблюдения): „Ты должен продолжить и признать, что тебе не чуждо и ничто звериное“.

Однако, хотя мне и вспомнилась наконец моя догадка, я не мог в компании, в которой тогда находился, говорить совершенно искренне. Молодая супруга моего приятеля, которому я напомнил о животной природе бессознательного, была также среди собравшихся, а мне было известно, что она совершенно не готова к усвоению подобных неутешительных взглядов. Мне хотелось избежать ряда неприятных вопросов с ее стороны и бесполезной дискуссии, и как раз это обстоятельство стало причиной временной амнезии.

Особенно интересно, что в качестве маскирующей мысли выступает высказывание, в котором божество низводится до уровня человеческой придумки, тогда как в искомом утверждении указывалось на наличие звериного в человеке. Стало быть, *capitis deminutio*¹⁹

¹⁹ *Capitis deminutio* – принцип римского права, означающий наибольшее уменьшение правоспособности (лишение всех гражданских прав).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.